

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА ЭМИГРАЦИИ: ПЕРСОНАЛИСТСКИЙ ВЕКТОР ИЗУЧЕНИЯ

В статье представлены основные направления изучения автобиографической прозы первой волны русской эмиграции. Автор указывает на необходимость применения таких основополагающих мировоззренческих категорий, как мемороцентризм и персонализм. Они помогают через ключевые концепты восполнить исследовательские лакуны данного сегмента литературы.

Ключевые слова: автобиографическая проза первой волны русской эмиграции, мемороцентризм и персонализм, концепт.

Специфика эмигрантской памяти (тенденциозность, избирательность, культуροцентризм), гипотетический читатель, ориентация на двойной культурный контекст (российский и западный) приводят к трансформации образа нарратора в данной литературе. Именно на этом этапе и в этой литературе, на наш взгляд, заметны наибольшие различия в сравнении с литературой метрополии. Отметим также, что в автобиографической прозе заметно основное отличие от новой литературы 20-х годов в метрополии: там героем была революционная толпа, героически настроенные «множества», устремленные к светлому будущему; в эмигрантской же литературе, напротив, на передний план выдвигалась личность, к тому же устремленная назад – к прошлому, к истокам трагедии, к своей былой славе, к вере, утраченной в социо-культурной обстановке начала века. Вполне очевидно, что указанные обстоятельства уточняют теорию «единого потока» русского реализма, выдвинутую Г. П. Струве и другими исследователями эмигрантского наследия. Именно автобиографическая проза русской эмиграции, отразившая «Великий Раскол» страны на непримиримые лагеря, а также трагедию отдельной личности, выступала оппозиционно по отношению к литературе метрополии.

По мнению Э. Газетто, после осознания в 1921 году, что скорого возвращения на родину не будет, для эмигрантов «индивидуальная и коллективная память приобретает важнейшее значение» [1:101]. Исследователь указал на главную цель автобиографического творчества – попытку понять тот сложный процесс, который привел к революционной катастрофе, объяснить себе и грядущим поколениям его истоки и последствия. Именно поэтому актуализируется идея сохранения духа русской культуры в эмиграции: «Центры диаспоры превращаются в огромные лаборатории по восстановлению, сохранению и защите национальной и индивидуальной памяти» [2:9]. Такой интерес именно к теме памяти и ее художественному воплощению в автобиографистике указанного периода позволяет рассматривать автобиографическую прозу эмиграции как мемороцентристскую.

Несмотря на достаточно большое количество исследований творчества писателей – представителей первой волны русской эмиграции, внимание эмигрантистов в основном сосредоточено на частных вопросах. Так, изучение проблемы памяти

в эмигрантском творчестве стало предметом исследования И. Д. Альберт, Э. Газетто, Е. Уховой, В. М. Пискунова, С. Ю. Сидоровой. Нравственное становление личности в автобиографической прозе русского зарубежья рассматривается Х. Альгальдо, А. П. Черниковым, Л. И. Бронской. Христианскую традицию в литературе русского зарубежья исследовали А. М. Любомиров, А. Новиков, М. А. Новикова, А. Л. Гуревич, И. М. Богоявленская. Тема родины становится сквозной в работах С. В. Полторацкой, С. Р. Габдуллиной, А. В. Якубчика и других. В целом проблемный ракурс нашей статьи – личность эмигранта и отражение его картины мира в автобиографической прозе – остается недостаточно изученным в отечественном и зарубежном литературоведении.

Авторы «Літературознавчого словника-довідника» [3] считают, что жанр автобиографии часто приближается к жанру мемуаров или даже переплетается с ним. В эмиграции этот процесс углубляется, и уже не автобиография, а автобиографическая беллетристика оказывается одним из видов мемуаров. Мы можем говорить об интеграции мемуаров как документального жанра в автобиографическую прозу писателей-эмигрантов в такой мере, что практически любое произведение с нарратией от первого лица, тематически связанное с прошлым, в эмиграции выступает как мемуарное.

В эмиграции происходит максимальное сближение повествований с нарратией от первого лица и собственно мемуаров как документального жанра. Однако у западного читателя (как и у современного) герой мемуаров воспринимался также как принадлежащий другой, художественно отраженной, переосмысленной с точки зрения всего произошедшего, действительности. В изображении событий прошлого в мемуаристике эмиграции сочетаются как бы два взгляда: восприятие непосредственно переживающей событие личности и комментарий многоопытного, прошедшего сквозь страдания и унижения, потери и разочарование эмигранта-писателя. Такая своеобразная подача фактического материала позволяет говорить о трансформации художественной природы мемуаристики в эмиграции, когда писатель, о чем бы он ни писал, возвращается памятью к прошлому.

Таким образом, в автобиографической прозе отмечаются те же семантико-стилистические особенности нарратии от первого лица, что и в мемуаристике: достоверность, субъективность, неполнота, когда изображенный мир ограничен опытом и кругозором повествователя. На это косвенно указывает в своем фундаментальном исследовании «Українська письменницька мемуаристика: природа, еволюція, поетика» А. А. Галич [4], который считает, что любой художественный образ мемуарной прозы документален и одновременно субъективен, так как он создан по законам художественного творчества, с применением типизации и художественного вымысла.

Целиком закономерно, что понятие личности в таком варианте персонализма имеет доминирующее значение. Ему подчинены все остальные категории – «мир», «общество» и т. д. В своей разработке темы «Экзистенциальный персонализм Н. А. Бердяева» философ В. В. Миронов отмечал, что с точки зрения Н. А. Бердяева «человек как носитель первоначальной свободы есть носитель новизны, прибавления бытия, реальности, добра или зла. Свобода человека заключена именно в творчестве добра и зла, а вовсе не в выборе между ними. Поскольку человек рожден из добытийственной свободы и сам обладает свободой (в этом он равен Богу), то задача философа заключается в том, чтобы обосновать не теодицею (оправдание бытия Бога), а антроподицею (оправдание

человека). [5]. К сожалению, в практике эмиграции подобные идеи воспринимались преимущественно как утопические. В качестве примера можно привести изображенную княгиней З. Шаховской патриархальную картинку жизни в имении, когда крестьяне – не враги и не слуги, а прежде всего связанные родством по мироощущению люди.

Именно персонализм помогает не просто создать целостную и достаточно логическую картину эмигрантского автобиографического творчества, но и открывает новые возможности для литературоведческого анализа. Персонализм демонстрирует различные аспекты сюжетно-тематического и изобразительного плана в их системе, взаимообусловленности.

Эмиграция в художественных произведениях поставила ряд нравственно-психологических и религиозно-философских проблем, которые не могут не быть предметом персонализма: свобода и ответственность человека за происходящее, власть и насилие, смирение перед обстоятельствами, страдание как искупление. Тезис персонализма «чем более развита духовно личность, тем более она аккумулирует в себе предшествующее развитие культуры» позволяет сосредоточить внимание на произведениях тех авторов, которые могут быть идентифицированы как профессионалы в той или иной сфере деятельности.

Итак, персонализм мы рассматриваем как парадигму, в которой можно выделить следующие уровни воплощения.

Религиозно-философский. Возврат русской интеллигенции в лоно церкви был характерным явлением эмиграции. Однако религиозно-философская парадигма автобиографической прозы с нарративом от первого лица не исчерпывалась вопросами веры (набожности) и выражала мировоззренческий и формосодержательный аспект творчества разных художественных индивидуальностей. По мнению исследователя А. А. Бородич, «религиозно-философские размышления весьма характерны для представителей творческой интеллигенции русского зарубежья в уходящем веке» [6:173]. Осознание себя в Боге было имманентно причастности к ушедшей культуре, а обращение к религиозной тематике художников и философов концептуально раскрывало контрадикторный мир личности, концентрировало внимание на природе внутренних мотивов человеческих поступков и творческих актов. Евангельский подход к человеку предполагает, что истоки каждого человека как личности находятся в том, что человек есть образ и подобие Божие, творение Божие. Персонализм является по преимуществу религиозным, христианским течением. Несмотря на это, некоторые исследователи выделяют секулярный или атеистический вариант персонализма как отдельное направление. Секулярным (светским) вариантом персонализма могут быть названы материалистические (атеистические) системы, ставящие в основу своей философии личность человека и понимающие ее как главную метафизическую ценность, над которой не существует никакого высшего бытия. Выделение такого вида материализма существует в работах многих исследователей конца XIX – начала XXI в. Поэтому и на данном уровне персонализма нелогично говорить только о религиозно-философских воззрениях эмигрантов. Общая картина автобиографической прозы выглядит несколько схематичной без учета творчества тех авторов, которые либо открыто не позиционировали свой интерес к религиозным вопросам (в силу разных причин), либо сознательно отказывались от идеи Бога в своем творчестве. Принимая установку на оценку личности в разнообразных проявлениях и связях, необходимо найти такой концепт, который мог бы вобрать признаки типологической

общности потерявших стабильность и защищенность людей. На религиозно-философском уровне в качестве ключевого был определен концепт «Отец», интерферирующий бытовую и бытийную сторону личностного существования.

Социально-исторический. Жизнь личности континуально переплетается с жизнью социума, и нравственный опыт, багаж политических оценок человека имеет социальное значение. Тем самым личность оказывается не только субъектом, но и объектом социальных преобразований. Для того, чтобы выжить в настоящем и будущем, эмигранту необходимо было переосмыслить прошлое, расставить свои приоритеты, а от чего-то отказаться. В работах персоналистов личность рассматривается как Божья идея и Божий замысел, возникшие в вечности. В то же время в пограничных условиях бегства человек был очень часто вынужден мимикрировать, отождествлять себя с иным социальным статусом, который мог гарантировать уют, покой, физическое выживание. Поэтому персонализм, утверждавший, что «Личность есть целостность и единство, обладающие безусловной и вечной ценностью», отражается в эмигрантском творчестве опосредованно, через систему оценок и авторских комментариев. Именно в условиях угрозы жизни и психике конкретное существование стало мыслиться как нечто особое, исключительное, о чем свидетельствует, например, И. Савин, переживший не только горечь поражения, но и позор плена: «Самую обидную брань выслушивали равнодушно <...> И вместе с тем сквозило в этой белой покорности что-то до того неуловимо прекрасное, что горьчайшее унижение человеческого достоинства мы принимали как венец. Не мученичества, а скрытой, неясной радости и гордости за дух, которого не оплевать и не унижить» [7:139]. В образе нарратора окружающему жестокому миру противопоставлена внутренняя культура, вера в то, что он нужен белому движению (как указала сестра милосердия), что семья жива, а родной дом только временно покинут. Индивидуум может совсем не обладать цельностью и единством, может быть растерянным и одиноким, и эта дифференциация его состояний отражалась в автобиографической прозе. К конституирующим приоритетам личности эмигранты относили идею Бога, памяти, дома. Память есть ценность, соединяющая личность с государством, нацией, родом, природой. То, что одним виделось как апокалипсическое столкновение добра и зла, столкновение ценностей нового и старого мира, другими воспринималось прежде всего как трагедия личная. Главной потерей многие из них считали расставание с родиной, однако наиболее точным показателем личностного отношения к утрате не столько материального, сколько культурного наследия нам представляется концепт «дом» (а не стандартная «родина»).

Этический. В литературоведении этика в отличие от социологии изучается не как нравы, нравственные мнения и обычаи, а как первофеномены добра и зла, первоначальные оценки и ценности, нашедшие художественное выражение в творчестве. Социология сосредоточивает внимание на совокупности человеческих мнений и оценок, интегрируя типичное, а в художественной практике авторы выражают индивидуальные мнения и суждения, литература аккумулирует гамму человеческих мнений о добре и зле, об источнике оценок, о нравственных ценностях личности. Этический конфликт становится в эмиграции составляющей отношений личности и общества. В кризисных условиях XX века человек вынужден был определить и выразить в творчестве свое различие между добром и злом, доказать свою нравственную адекватность. Нравственная жизнь переплетается с жизнью социальной, и нравственный опыт человека имеет социальное

значення. Речь идет не о ценности личности вообще, а о ценности конкретной неповторимой личности, о ценности индивидуального. Этот уровень мы связываем с концептом «ответственности», позволяющим выявить пассивные и активные способы постижения новой эмигрантской реальности личностью.

На наш взгляд, персоналистская природа автобиографического творчества может быть объективирована на основе трёх указанных выше уровней. Уровневый подход к интерпретации эмигрантской прозы позволяет типологизировать достаточно разнородную и разножанровую автобиографическую прозу, даёт возможность увидеть своеобразие авторской картины мира в каждом конкретном произведении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Газетто Э. Мемуары и тема памяти в литературе русского зарубежья / Э. Газетто // Блоковский сборник. XIII. – Тарту : [б. и.], 1996. – С. 101.
2. Петров Е. В. Научно-педагогическая деятельность русских историков-эмигрантов в США в первой половине XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук/ Е. В. Петров; [Санкт-Петербургский Государственный Университет].- Спб., 2002. – 34 с.
3. Літературознавчий словник-довідник / Р. Т. Гром'як, Ю. І. Ковалівтаїн. – К.: ВЦ «Академія», 1997. – 752с.
4. Галич О. А. Українськаписьменницькамемуаристика: природа, еволюція, поетика : монографія / О. А. Галич. – К.: КДПІ, 1991. – 217 с.
8. Миронов В. В. Философия: учебник для вузов/ Экзистенциальный персонализм Н. А. Бердяева/ В. В. Миронов.- Режимдоступа: http://society.polbu.ru/mironov_philosophy/ch72_i.html.
5. В поисках утраченного единства: сб. статей/ Отв. ред. В. П. Казарин. – Симферополь : Крымский Архив, 2005. – 330 с.
6. Крымский альбом: историко-краеведческий литературно-художественный альманах/ по редред. Д. Лосева. – Вып. 3. – Феодосия ; М. : Изд. дом Коктебель, 1998. – 237 с.

Резник О. В., доктор філолог. наук, професор
Кримський університет культури, мистецтв і туризму, Сімферополь

АВТОБІОГРАФІЧНА ПРОЗА ЕМІГРАЦІЇ: ПЕРСОНАЛІСТСЬКИЙ ВЕКТОР ВИВЧЕННЯ

У статті подаються головні напрямки вивчення автобіографічної прози першої хвилі російської еміграції. Авторка влучно доводить необхідність використання головних принципів: мемороцентризму, персоналізму.

Ключові слова: автобіографічна проза першої хвилі російської еміграції, мемороцентризм і персоналізм, концепт.

Reznik O.V., doctor of Philology, prof.
Simferopol

AUTOBIOGRAPHICAL PROSE OF THE REPRESENTATIVES OF THE FIRST WAVE OF RUSSIAN EMIGRATION

The article by Oksana Reznik represents the main directions in the study of autobiographical prose of the representatives of the first wave of Russian emigration. The author emphasizes the need for such fundamental philosophical categories as memorative centralism and personalism. The use of these categories can help fill in the gaps in research of this literature segment.

Key words: *autobiographical prose, Russian emigration, memorative centralism, personalism.*

УДК 82-311.6.09

Роговская А. Г., аспирант

Харьк. нац. пед. ун.-т имени Г. С. Сковороды, Харьков

Роговский А. М., д. филос. н., проф.

Харьк. нац. пед. ун.-т имени Г. С. Сковороды, Харьков

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА РОМАНА Ю.Н. ТЫНЯНОВА «КЮХЛЯ»

В статье рассматриваются особенности жанровой организации романа Ю. Н. Тынянова «Кюхля» в контексте литературно-критических работ писателя о необходимости реформы в области литературы вообще и в «обновлении» жанра романа в частности.

Ключевые слова: *жанровая специфика, полижанровое образование, исторический роман, беллетризованная биография, пограничность.*

В связи с наметившейся с начала XX в. и по сей день усиливающейся тенденцией смещения жанровых форм, возникновением всё большего количества полижанровых образований, изучение аспекта жанровой организации произведения представляется одним из перспективных направлений современного литературоведения. В частности, роман Ю. Н. Тынянова «Кюхля» был одним из первых произведений, размывших границы внутрижанровых разновидностей романа, чем и обуславливается **актуальность** темы данной статьи. **Целью** статьи является выделение в произведении характерных черт, присущим различным внутрижанровым разновидностям романа и определение состава полижанрового образования.

Изучению соотношения факта и вымысла и достоверности документа в историко-биографической прозе Ю. Н. Тынянова посвящено немалое количество работ (В. А. Каверин, М. Л. Гаспаров, З. Н. Поляк, М. И. Назаренко, Т. И. Дронова и др.). Собственно говоря,

© *Роговская А. Г., Роговский А. М., 2014*